

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ЮАР В 1994—2006 гг.

Ю.С. Скубко, к. э. н.

Г.В. Шубин, к. и. н.

Центр исследований юга Африки Института Африки РАН

Ликвидация системы апартеида («раздельного развития рас», а по существу расовой дискриминации и сегрегации) в результате достигнутого в 1994 г. политического компромисса завершила период длительной международной политической и экономической изоляции Южно-Африканской Республики. Это изменение политической системы стало возможно только потому, что стороны-участники конфликта (господствующее белое меньшинство и национально-освободительные движения угнетенного большинства) пошли на существенные уступки друг другу, достигнув национального примирения¹. Таким образом, потенциал ведущей в экономическом отношении страны Африки, единственной на континенте страны с развитой рыночной экономикой, с 1994 г. мог быть задействован для преодоления огромного социального неравенства между различными расово-этническими группами южноафриканского населения, улучшения условий и качества жизни ранее угнетенного черного большинства.

Этому способствуют сохраняющаяся пока устойчивость институтов политической демократии (успешное проведение уже трех свободных общенациональных нерасовых выборов: в 1994, 1999 и 2004 гг.) и гражданского общества, климат национального примирения, уважения к гражданским свободам, сравнительная подконтрольность и не очень высокая, по африканским меркам, коррумпированность бюрократии², а также реальная независимость судопроизводства при достаточно высоком уровне развития экономики (ВВП на душу населения — 3,6 тыс. долл. США в 2005 г., что соответствует показателям среднеразвитых стран) и инфраструктуры, — положение совершенно уникальное для Африки. Все эти элементы вызревали в государстве (и здесь надо отдать ему должное) хоть и не всеобщего, а ограниченного в основном белым населением благоденствия, сформировавшегося на основе внутреннего колониализма и апартеида в XX в., но чем-то напоминавшего античные рабовладельческие демократии.

Вместе с тем, несмотря на значительную активизацию государственной социальной политики и расширение ее ресурсной базы, изменения в социальной сфере в ЮАР идут достаточно медленно и болезненно. Южная Африка остается страной с резко поляризованной социальной структурой и, несмотря на энер-

¹ Для характеристики бережно сохраняемого климата национального примирения в ЮАР достаточно привести следующий пример. В 2006 г. умер мирно доживавший свой век в демократической ЮАР «южноафриканский Пиночет», бывший президент Питер Бота, осуществлявший в 1980-е гг. жестокие репрессии (сравнимые с чилийскими) в рамках режима чрезвычайного положения, в последней попытке спасти режим апартеида. Нынешний президент ЮАР и лидер воевавшего с Ботой Африканского национального конгресса Табо Мбеки объявил национальный траур и приказал похоронить экс-президента со всеми государственными почестями, что было встречено обществом с полным пониманием.

² Согласно «Международному индексу коррупции 2005», ЮАР занимала 49-е место среди 159 стран с индексом коррумпированности в 4,5 из 10 возможных.

гичные усилия политического руководства, направленные на исправление существующих дисбалансов в общественном устройстве (только на образование здесь тратится около 20% бюджетных средств, или 6% ВВП) и ускорение экономического роста, здесь, как отмечает российский африканист Л.А. Демкина, происходит такое явление, как «сползание в состояние развивающейся страны», проявляющееся в росте безработицы, увеличении неформального сектора экономики и криминализации общественной жизни [Л.А. Демкина, 2006. С. 140].

Следует особо подчеркнуть, что правительство во главе с Африканским национальным конгрессом (АНК) унаследовало тяжелейшие проблемы, связанные с формированием в Южной Африке в течение длительного периода колониализма особого типа, когда высокоразвитая метрополия и слаборазвитая колония сосуществуют в единой стране. Одной из таких проблем является неподготовленность подавляющего большинства африканской части южноафриканского населения к «полноценному участию и вхождению в современное общество (экономику, политику и социальную сферу), обусловленная всем предыдущим колониально-расистским порядком» [Л.А. Демкина, 2006. С. 140].

Здесь уместно заметить, что симптомы «вползания в третий мир» наблюдаются не только в ЮАР или, скажем, посткоммунистических государствах бывшего СССР с их социальной неустойчивостью, массовой безработицей, пауперизацией значительных, в том числе средних слоев населения, неадекватностью систем социальной защиты и образования, бегством квалифицированных кадров и капиталов и т.п., но и, хотя пока еще в значительно меньшей мере, в ряде вполне еще недавно считавшихся благополучными высокоразвитых стран Запада (вспомним прошлогоднюю волну насилия и вандализма во Франции), которым бывшие колонии «мстят», «переезжая» легально и нелегально на их территорию и образуя многомиллионные и быстро растущие иммигрантские общины, отягощенные всеми социально-экономическими проблемами депрессивных регионов Африки, Азии и Латинской Америки.

Возвращаясь к проблемам ЮАР, отметим серьезные трудности переживаемые ее экономикой в переходный период. С одной стороны, южноафриканская экономика, опирающаяся на свои богатейшие минеральные ресурсы начиная со Второй мировой войны быстро развивалась, завершая процесс индустриализации, за счет импортозамещающих технологий (до какого-то определенного времени импортозамещение стимулировали и международные санкции против режима апартеида) и, обладая обширной ресурсной базой, способна была сравнительно легко переносить экономические кризисы. Это стало одной из основных причин ее сравнительной устойчивости и в постапартеидный период, в частности в последние двенадцать лет. Но, с другой стороны, с исчерпанием резервов для экстенсивного роста постепенно накапливались «факторы торможения» развития. Нарращивание производства и экспорта высокотехнологичными отраслями обрабатывающей промышленности стало сдерживаться как низкой квалификацией основной (африканской) части рабочей силы, так и ужесточавшимися с каждым годом международными санкциями. Снижился приток иностранных инвестиций. Повлияло и то, что главным экспортным товаром долгое время являлось золото, добыча которого в связи с истощением золотоносных пластов и падением мировых цен сокращалась, а себестоимость его добычи делала во многих случаях эксплуатацию шахт нерентабельной.

Проблемы в экономике обострились еще в 1970-е гг., когда после нескольких десятилетий быстрого экономического развития, подъем сменился застоем. Стала расти безработица, среднегодовые темпы роста валового внутреннего продукта (ВВП) в 1974–1998 гг. не превышали 1,5%, при этом население возрастало, по

меньшей мере, на 2,5% ежегодно (в последнее десятилетие этого периода прирост населения снизился до 2% в год, что более чем «компенсировалось» возросшей нелегальной иммиграцией) [South Africa Foundation Review, 1994. P. 2.]. Не удалось избежать значительного роста инфляции и увеличения внешнего долга.

Политическое урегулирование в 1994 г. способствовало определенному экономическому оздоровлению: резко уменьшилось число забастовок, капитал перестал бояться национализации, менеджмент и предприниматели убедились, что в ближайшие годы им ничего не грозит, поскольку незыблемость частной собственности была прописана отдельной строкой в конституции новой ЮАР, исчезли панические настроения, и капиталовложения перестали, по крайней мере прежними темпами, «убегать» из страны. Было устранено большинство экспортных барьеров, в первую очередь с главным внешнеторговым партнером ЮАР — Европейским экономическим сообществом. Заработали механизмы регионального сотрудничества и началась экспансия южноафриканского капитала в Африку. Но наконец-то наступивший в первые годы XXI в. экономический подъем сказался на положении лишь 15–20% населения. Что же касается уровня и качества жизни основной массы черного африканского большинства, то тут, несмотря на значительное увеличение социальной помощи государства, положение было и остается крайне неблагоприятным на фоне сравнительно благополучных макроэкономических показателей по стране в целом (в текущем десятилетии среднегодовые темпы прироста ВВП превышают 3%, причем в последние четыре года составляют около 5%). Около 45% населения остается за чертой бедности (в основном африканцы). Не могли не сказаться на качестве жизни в стране беспрецедентный рост преступности и пандемия СПИДа (по этим незавидным показателям Южная Африка также держит первенство).

Неравенство в доходах в Южной Африке было одним из самых значительных в мире, что усугубляло социальную напряженность в стране и способствовало криминализации общества. На 10% населения в 1990-е гг., как и в 1970-е, приходилось свыше 50% национального дохода. Коэффициент Джини, используемый в международной практике как показатель неравенства в доходах (от нулевого неравенства до максимального, выражаемого единицей) в ЮАР в 1996 г. был равен 0,58 — выше показатель неравенства был только в Бразилии, хотя в 1970–1996 гг. пятнадцатикратный разрыв между средними доходами белого и черного жителей ЮАР сократился всего лишь до девятикратного [South Africa: Wealth, Poverty and Reconstruction, 2001. Vol. 14. January.].

Итак, новому правительству ЮАР досталось очень непростое наследство, обусловленное исторической спецификой ее развития (территориальная неразделенность метрополии и колонии и, соответственно, двухсекторная экономика) и для преодоления глубокого социально-экономического неравенства в стране после первых нерасовых выборов в 1994 г. была принята комплексная государственная Программа реконструкции и развития — PRP (Reconstruction and Development Program — RDP).

Из множества проблем, стоящих перед южноафриканским обществом, PRP выделяет четыре ключевых:

- удовлетворение первоочередных нужд населения;
- использование человеческих ресурсов;
- развитие экономики;
- демократизация государства и общества.

Главной из этих задач была признана первая. В Программе сделан упор на сокращение разрыва в уровне жизни между белыми и небелыми (африканцами, цветными и индийцами), увеличение социальной помощи бедней-

шим слоям населения и повышение качества жизни: решение острой жилищной проблемы, обеспечение доступа к медицинскому обслуживанию, образованию и даже, не в последнюю очередь, к сносной питьевой воде и электроснабжению. Намечались широкомасштабное строительство дешевых домов и электрификация черных поселков, в которых проживала большая часть населения страны, а также создание новых рабочих мест. Также предусматривалось значительно расширить доступ к образованию и медицинскому обслуживанию для большинства населения.

В задачи ПРР входило (в течение 5 лет):

- обеспечить 3 млн человек питьевой водой;
- электрифицировать 3 млн домов;
- построить 1 млн дешевых жилых домов [South Africa: Wealth, Poverty and Reconstruction, 1996].

ПРР базировалась на стратегии основных нужд, ставшей приоритетной для многих стран третьего мира в последние десятилетия XX в. Для ЮАР, чья экономика была и остается в основном в руках белого меньшинства, такой переход был крайне необходим для возможно быстрого улучшения обусловленных апартеидом тяжелых условий существования черного населения. В этом была ценность ПРР и заслуга ее составителей — руководства АНК во главе с первым президентом демократической ЮАР Нельсоном Манделой.

Но все или почти все упиралось в проблему занятости черного населения, без хотя бы частичного разрешения которой сложно было содержать построенную или строящуюся инфраструктуру, поскольку безработному нечем платить за электричество и воду (крошечных пособий едва хватает на пропитание). Создание и содержание инфраструктуры требовало больших средств, а это было напрямую связано с ростом экономики.

Через полтора года с момента принятия в ноябре 1994 г. ПРР некоторые предварительные результаты ее осуществления были рассмотрены в исследовании «Южная Африка. Богатство, нищета и реконструкция», в котором особо отмечалось сохранение крайне большого числа бездомных. Реальный экономический рост происходил в тех отраслях, где почти не создавались новые рабочие места. Достижения оказались далеки от ожидаемых южноафриканцами, ведь одной из главных задач ПРР являлось быстрое увеличение числа рабочих мест [Ibid].

Таким образом, становилось ясно, что сам по себе экономический рост автоматически не вел к уменьшению безработицы, наоборот, количество рабочих мест сокращалось, поскольку современная экономика растет не за счет экстенсивного — количественного — роста рабочей силы, а за счет качества и увеличения производительности труда.

Зачастую деньги, выделенные на ПРР самим государством, по разным причинам не были израсходованы или ушли в песок. А на обещанную ранее финансовую помощь от развитых стран было мало надежд. Для примера: в 1995 г. правительство заявило, что ему обещали 7,5 млрд рандов, но из этой суммы лишь 2,7 млрд предоставили в качестве помощи или кредита под низкий процент, а остальную сумму — в виде займов под более высокий процент [South Africa: Wealth, Poverty and Reconstruction, 1996]. Несмотря на многочисленные обещания, первый заем Всемирного банка для ЮАР на сумму 340 млн рандов для развития мелких и средних предприятий был получен только в 1997 г. [Bond P., 2000].

Иначе говоря, богатые развитые страны, чьи компании больше ста лет получали огромные прибыли от эксплуатации минеральных ресурсов и дешевой черной рабочей силы на юге Африки, не спешили оказать помощь в переустройстве экономики ЮАР и перераспределении доходов.

Следует особо подчеркнуть, что по ПРР все же были достигнуты определенные успехи в электрификации черных поселков, водоснабжении и детском здравоохранении. Но программа строительства дешевых домов первое время не выполнялась. В целом выполнение строительно-эксплуатационных задач ПРР вместо пяти лет растянулось на целое десятилетие, не принеся существенных прорывов в решении социальных проблем, но позволив избежать серьезных потрясений в обществе. К 2005 г. было построено более миллиона и электрифицировано 3,5 млн домов (2,9 млн наиболее бедных домохозяйств получают его бесплатно), 90% населения было обеспечено отвечающим санитарным нормам водоснабжением (3,9 млн наиболее бедных домохозяйств получили воду бесплатно), а строительство за десятилетие 65 тыс. новых классов позволило отказаться от «уроков в тени деревьев» [Budget speech 2006 by Minister of finance Trevor Manuel, 2006]. При этом Программа до самого недавнего времени не обеспечивала создания необходимого числа рабочих мест. Нарастание безработицы шло из двух источников: за счет молодежи, приходившей на рынок труда, и за счет сокращаемых рабочих и служащих государственных и частных компаний, уменьшавших тем самым издержки и увеличивавших прибыль и производство. А сравнительно низкий до последнего времени экономический рост, как уже говорилось, лишь способствовал увеличению армии безработных, перебивавшихся в лучшем случае случайными заработками и социальными грантами.

Руководителям страны в 1990-е гг. приходилось выбирать из двух зол — роста ВВП и одновременно внутренних цен или уменьшения инфляции за счет укрепления национальной валюты — ранда, но одновременно застоя в производстве. И они выбрали первое. В текущем десятилетии улучшение экономической конъюнктуры позволило обуздать инфляцию. В более широком контексте можно отметить, что руководству страны постоянно приходится делать выбор между требованиями широких масс африканского населения улучшить их положение и соображениями экономической целесообразности. Так, профсоюзное движение ЮАР, значительно более мощное и независимое, чем, например, в России, воспрепятствовало приватизации ряда государственных корпораций в ключевых отраслях экономики (она была проведена в очень урезанном виде), что повлекло бы, наряду с повышением эффективности их работы, значительное увеличение безработицы. В целом экономический курс постапартеидной ЮАР при всей своей социальной ориентированности характеризуется прагматичным сочетанием консервативных и интервенционистских мер, с большим искусством осуществляемых многолетним министром финансов Тревором Мануэлем.

Были приняты меры по оздоровлению экономики и повышению ее инвестиционной привлекательности: к началу текущего десятилетия уровень инфляции снизился с двузначных цифр до 3% в год, значительно уменьшился внешний долг, бюджет, ради ускорения развития и выполнения социальных программ, оставлен дефицитным, но в разумных пределах (до 4% ВВП в год), осуществлены налоговые реформы в целях стимулирования инвестиций и экспорта, снижен уровень бюрократического регулирования экономики (по оценкам Всемирного банка, ЮАР вошла в десятку стран с наиболее благоприятными условиями для бизнеса).

Интересно отметить, что за десять лет (с 1990 по 1999 г.) ЮАР существенно диверсифицировала свой экспорт. Так, на долю золота в 1990 г. приходилось 33,7% всего экспорта, а через девять лет этот показатель снизился до 16,3%. Промышленный экспорт за тот же период возрос с 9,2 до 23,6%. Основная причина (наряду с отменой международных санкций и снятием экспортных ограничений) — ослабление ранда, что оказывало существен-

ное влияние на рост ВВП в стране, поскольку слабый ранд содействовал экспорту [Sunday Times. 30 June 2000].

Во многом благодаря ослаблению ранда прирост производства шел практически во всех отраслях промышленности ЮАР, но темпы его оказались недостаточны для прекращения роста безработицы.

Позитивным моментом было то, что постепенно достигалось некоторое перераспределение доходов. Так, за 1990-е гг. общий доход африканцев вырос с 29,9 до 35,7% от совокупных доходов населения, в то время как доля белых снизилась с 59,9 до 51,9%. Правительство смогло существенно улучшить положение с электрификацией и водоснабжением в черных поселках и сделало первые шаги в решении жилищной проблемы, но не решалась самая жгучая проблема страны — безработица.

Хотя отведенные для выполнения ПРР сроки еще не вышли, к середине 1996 г. стало очевидно, что она не оправдала возлагавшихся на нее надежды, и фактически на смену ей пришла новая социально-экономическая стратегия — «Рост, занятость и перераспределение» (РЗП) (GEAR — Growth, Employment and Redistribution) [Growth, Employment and Redistribution. A Macroeconomic Strategy. 14 June 1996], предложенная АНК впервые 14 июня 1996 г. и через полтора года (в январе 1998 г.) одобренная и окончательно утвержденная правительством страны.

РЗП предусматривала (наряду с мерами по стимулированию деловой активности в целом) быстрое развитие мелкого и среднего производства, что должно было способствовать сокращению безработицы, повышению доходов самых обездоленных слоев и увеличению удельного веса черного предпринимательства не только в результате развития рыночных отношений, но и в результате государственной политики поощрения бизнеса представителей черного населения.

Одно из отличий РЗП от ПРР было в том, что в бюджетах конца 1990-х — начала 2000 гг. (т.е. после принятия РЗП) основное внимание уделялось диверсификации налогов на компании и одновременно шло смягчение налогового бремени для наименее обеспеченных слоев общества. Однако ЮАР долго не удавалось обеспечить достаточно высоких темпов роста ВВП (в том числе из-за неблагоприятной экономической конъюнктуры и мировых финансовых кризисов конца 1990-х гг.), а следовательно, и намеченного рассасывания безработицы, предусмотренных в РЗП сценарием ускоренного развития. Не была достигнута главная цель этой программы — прирост экономики до 6% в год и создание на этой основе начиная с 2000 г. ежегодно 400 тыс. новых рабочих мест [Growth, Employment and Redistribution. A Macroeconomic Strategy, L. 04.06.1996] (к намеченным показателям удалось приблизиться только в середине текущего десятилетия, когда прирост ВВП достиг 5%, а число ежегодно создаваемых рабочих мест — 350 тыс.). Вместе с тем продвижение вперед по намеченным социально-экономическим показателям было очевидным, значительно увеличился объем социальной помощи беднейшим слоям населения (социальные выплаты-гранты, в том числе детские пособия для детей до 14 лет, бесплатное детское питание, бесплатное медицинское обслуживание для осуществления которого было нанято большое число кубинских врачей, бесплатное водо- и электроснабжение в пределах минимальных норм, общественные работы для безработных и т.п.), что обеспечило правящей партии АНК стабильную поддержку свыше двух третей избирателей на выборах.

После ликвидации апартеида и отмены международных санкций темпы роста ВВП ЮАР стали постепенно увеличиваться. Однако только начиная с 1999 г. был стабильно достигнут запланированный в РЗП минимальный

прирост ВВП на уровне 3% [Черкасова И.В., 2000]. В 2004–2006 гг. темпы прироста ВВП составили уже около 5%, что оказалось все же недостаточно для рассасывания огромной безработицы. Совокупная безработица (с учетом отчаявшихся найти работу и не регистрирующихся в качестве безработных) выросла в 1994–2004 гг. с 31,5 до 42% экономически активного населения и только в 2005 г. несколько снизилась (до 40%) [Shared Interest – Investing in South Africa's Future. NY. 2007]. Впрочем, по оценкам экспертов, часть безработных фактически занята в так называемом неформальном секторе.

Проблема массовой хронической безработицы в ЮАР имеет еще один аспект, о котором не принято говорить в приличном обществе по причинам политкорректности. В стране существует многомиллионный слой хронически безработных африканцев (дело не в расовом аспекте — в ЮАР можно встретить и опустившихся цветных и белых, просто их гораздо меньше), которые не хотят и никогда не будут всерьез, напряженно работать. Во всяком случае, работать на шахты они не пойдут, туда возьмут других черных африканцев — неприспособленных и выносливых мигрантов из Мозамбика. Миллионы же южноафриканских люмпенов («порох» для возможных социальных взрывов) предпочитают жить на социальные подачки, время от времени участвуя в необременительных общественных работах (один из соавторов недавно имел возможность наблюдать мирный сон трудящихся во время работ по благоустройству Кейптауна). Государство сейчас имеет возможность (в 1990-е г. с финансами было сложнее) платить им пособия, строит для них бесплатные домики с бесплатной водой и электричеством, так что можно сколько душе угодно смотреть бесконечные «мыльные» сериалы. Они подрабатывают в неформальном секторе — в лучшем случае домашней прислужкой или подсобными рабочими без официальной регистрации, в худшем — участвуя в торговле наркотиками и мелком уличном рэкете, а то и в более серьезных преступлениях.

Снижение безработицы в последние годы связано и со снижением темпов прироста населения. Если в 1994–2004 гг. он составлял 2% в среднегодовом исчислении, то в последние годы снизился до 1%, что в первую очередь связано с возросшей смертностью от СПИДа и связанных с ним болезней (около половины общего числа смертей в 700 тыс. человек в 2004 г.; всего же в ЮАР ВИЧ-инфицированных, в основном это африканцы, больше, чем в любой другой стране мира, — около 6 млн человек, или свыше 11% населения; из 1,1 млн детей, ежегодно рождающихся в ЮАР, 30% имеют ВИЧ-позитивных матерей). В 2006 г. население ЮАР составило 47 млн человек, в том числе 78% черных, 9,6% белых, 8,9% цветных или метисов и 2,5% индийцев [Moyiga Nduru, 2007]. Предполагается, что в ближайшие годы оно начнет сокращаться из-за высокой смертности от СПИДа. Впрочем, некоторые эксперты считают, что пик смертности в ближайшие два-три года будет пройден (ожидается смерть от СПИДа еще 5–7 млн человек до 2010 г.), и она начнет снижаться. Правительство ЮАР с большим опозданием, практически только в текущем десятилетии, в течение которого число инфицированных удвоилось, стало выделять значительные средства на соответствующее лечение (антиретровирусные препараты), профилактику и разработку лекарств и вакцин. Пока же можно констатировать, что средняя продолжительность жизни в ЮАР за 12 постапартеидных лет снизилась с 64 до 43 лет, причем для женщин в возрасте 20–39 лет смертность только в 1997–2004 гг. утроилась, а для мужчин возрастной группы от 30 до 44 лет — удвоилась [Report on South Africa Mortality conditions, 2006].

Приведем некоторые показатели, характеризующие социальную сферу ЮАР в 2004–2005 гг. по данным международных справочников:

Показатели	Мужчины	Женщины
Ожидаемая средняя продолжительность жизни, годы	43,3	42,2
Средний срок «доживания» в 60 лет, годы	14	18
Средний (медианный) возраст, годы	23,3	25,0
Возраст выхода на пенсию, годы	65	60
Среднедушевые затраты на здравоохранение, в долл. США		669
Совокупные затраты на здравоохранение в % к ВВП		8,4
Среднее число рождений на 1 женщину		2,2

Источники: CIA World Factbook 2006; United Nations Population Division, DESA 2006; WHO World Health Report 2006.

Как свидетельствуют приведенные цифры, общую довольно благополучную картину нарушает катастрофически снизившаяся средняя продолжительность жизни.

Довольно печальное положение сложилось с трудоустройством получивших образование черных южноафриканцев. Так, в 1999 г. лишь 28% выпускников традиционно «черных» университетов находили работу сразу по их окончании, по сравнению с 65% выпускников традиционно «белых» университетов (уровень образования в университетах для черных весьма низок). При этом африканцев с дипломами, не получивших работу в частном секторе, трудоустраивает государство, а все более значительное число белых специалистов уезжает. В 1994–2001 гг. свыше 17 тыс. занятых в НИОКР научно-технических работников, в основном белых, покинули страну (переселялись, за редким исключением, в пять стран: Англию, Канаду, США, Австралию и Новую Зеландию) [www.scidev.net/News/02/02/2007].

Нехватку высококвалифицированных кадров белых специалистов не удалось компенсировать привлечением представителей ранее дискриминированных расово-этнических групп (среди которых подавляющее большинство составляют выпускники второсортных вузов со степенями не выше бакалавра и магистра). Даже при полной отмене «цветного барьера» потребуются десятилетия, чтобы возместить издержки целой эпохи дискриминации, создать культурно-образовательную среду для формирования значительного слоя творческой интеллигенции из числа африканского и других групп небелого населения. Механическая передача руководящих должностей в госаппарате, государственных компаниях, учреждениях науки, культуры и здравоохранения полуобразованным выходцам из ранее дискриминированных расово-этнических групп («цветной барьер наоборот») не решает проблемы и подчас лишь усугубляет ситуацию.

В последние годы правительство ЮАР многое делает для преодоления наследия апартеида в сфере образования. На образование тратится не менее 20% бюджета (около 60 млрд рандов в год), причем расходы растут на 8–9% в год, опережая рост ВВП. В 21 университете, 15 технических институтах (техникумах) и множестве колледжей обучается свыше миллиона студентов. Хотя в 28 тысячах школ страны насчитывается около 12 млн учащихся, сохраняется 30-процентный уровень неграмотности среди населения старше 15 лет (почти исключительно африканцы), кроме того, от 6 до 8 млн взрослых функционально неграмотны. Среди белых жителей страны старше 20 лет законченное среднее, среднее специальное или высшее образование имеют 65%, для индийцев этот показатель составляет 40%, цветных — 17% и африканцев — только 14%. На момент перехода власти в 1994 г. к представителям черного большинства свыше 90% ученых и инженеров страны составляли белые. С тех пор положение если и изменилось, то скорее количественно, чем качественно. В 1990–2001 гг. доля научных публи-

каций представителей африканского, цветного и индийского населения страны выросла в совокупности лишь с 3,5 до 8% от их общего числа, т.е. оставалась ничтожно малой — менее одной десятой части [South Africa's National Research and Development Strategy. The Government of the Republic of South Africa, 2002].

Одной из причин высокого уровня безработицы в стране являлся и является массовый наплыв в ЮАР нелегальных иммигрантов. Это обстоятельство все более усиливало конкуренцию, особенно в неформальном секторе экономики, со стороны нелегальных иммигрантов из сопредельных африканских стран, в частности Мозамбика, чья экономика сильно пострадала от гражданской войны. И меры по их высылке не спасали положения (в условиях многомиллионной безработицы), хотя общее число нелегальных иммигрантов, депортированных в свои страны из ЮАР постоянно росло: в 1992 г. оно составило 82,6 тыс. человек [Citizen. 13.05.1993], а в 1997 г. — уже 176,4 тыс. [Star. 30.06.1998].

Точное число этих «нелегалов», согласных работать за мизерную зарплату и жить в трущобах, установить невозможно, но наиболее частая оценка — 2–3 млн, причем 70% их из Мозамбика и 25% из Зимбабве [Ibid. 06.12.1996].

Как это ни парадоксально звучит, но ЮАР, задыхавшаяся от безработицы, роста преступности и экономических проблем, с точки зрения жителей других африканских стран является просто страной изобилия, «молочных рек и кисельных берегов» [Mercury. 11.09.1998] (как и Россия, например, для жителей Таджикистана). По данным полиции, 14% всех преступлений в стране совершали иммигранты.

В среднем годовой доход южноафриканца составлял в 1996 г. 2900 американских долларов, что было в 10 раз меньше, чем, например, в США³. Но при этом доход южноафриканца был в 36 раз выше дохода жителя Мозамбика. Для сравнения — американец был в семь раз богаче мексиканца; соответственно никакими препонами невозможно было остановить бегство рабочей силы в США из Мексики [South Africa: Wealth, Poverty and Reconstruction, 1996. P. 133–134].

Соответственно, из-за увеличения числа иммигрантов усиливалась волна ксенофобии в ЮАР. Мелких торговцев-иностранцев часто оскорбляют и избивают. Хотя самих южноафриканцев мало привлекает тяжелый и опасный шахтерский труд, нередки нападения на шахтеров-мозамбикцев. Вместе с тем целые отрасли экономики, к примеру сельское хозяйство (сезонные рабочие), просто не могут выжить без дешевых рабочих рук иммигрантов. Раньше во всех бедах черные жители ЮАР обвиняли апартеид, а сейчас во многих случаях — иностранцев. Нелегальная иммиграция будет продолжаться, пока Южная Африка будет оставаться оазисом относительного благополучия в море нищеты [Ibid. P. 133–134].

В 1990-е гг. происходила быстрая африканизация государственного аппарата и госсектора экономики. Похожий процесс проходил в 1930-е гг., когда весь госсектор и государственная бюрократия перешли в руки буров-африканеров.

При этом большинство бюрократических мест после 1994 г. стали занимать не просто черные южноафриканцы: чиновники усиленно комплектовали госаппарат своими соплеменниками (не представителями своих народностей, а именно соплеменниками, т.е. близкими и дальними родст-

³ Хотя тема расовых отношений в США и выходит за рамки данной работы, стоит упомянуть, что АНК, неоднократно призывая черное население ЮАР не роптать по поводу своего бедственного положения, ссылаясь на то, что афро-американцы получали в семь-восемь раз меньше белых жителей США, т.е. примерно во столько же раз меньше, как черные в ЮАР по сравнению с белыми южноафриканцами. Единственное серьезное отличие — африканцы в ЮАР гораздо хуже обеспечены муниципальным жильем.

венниками — членами одного племенного клана). Так что вместо довольно коррумпированного белого (африканерского) государственного аппарата был создан не менее продажный черный государственный аппарат.

Представители различных африканских племен в госаппарате ЮАР, по свидетельствам очевидцев, часто не уживаются друг с другом, что пока выразилось в подсиживании «черных братьев», в интригах, но если положение в стране дойдет до социального взрыва, то нельзя исключить кровопролитные межплеменные и межклановые столкновения.

От преступности страдает значительная часть населения страны (по количеству смертей от огнестрельных ранений ЮАР занимает первое место в мире), прежде всего жители центральной провинции Хаутенг. Преступность же в деловой столице ЮАР Йоханнесбурге является одной из высочайших в мире — передвигающемуся по городу туристу лучше не покидать автомобиля [Business Day. 25.05.1996]. При этом преступления не всегда являются обычной уголовщиной. Так, сотни людей в ЮАР ежегодно убивают якобы за колдовство. Услугами знахарей пользуется большинство африканского населения. Высок уровень сексуального насилия, в том числе по отношению к несовершеннолетним: среди африканцев бытует поверье, что секс с малолетней девочкой излечивает от СПИДа [Ежедневный бюллетень ИТАР—ТАСС. 18.06.1996].

Местная пресса справедливо отмечала, что в 1990-е гг. уголовное насилие стало составной частью жизни в ЮАР. Здесь совершалось огромное число убийств, разбоев и других преступлений [Citizen. 27.01.1997]. На 100 тыс. человек населения в 1996 г. в ЮАР было совершено 45 убийств (5,5 в среднем в мире) [Heribert Adam et al. Comrades in Business. Post-Liberation Politics in South Africa. Tafelberg. RSA. P. 90].

«Мы живем в опасном обществе, — писала газета „Citizen“. Преступность вышла из-под контроля. Гнев людей все увеличивается, и все может кончиться анархией» [Citizen. 30.01.1997]. Причиной данного явления стала не только огромная безработица среди черного населения, но и ослабление карательного аппарата государства, связанное со сменой режима. Исчезла неотвратимость наказания.

По данным полиции, в стране на почти 2 млн владельцев приходилось более 3,76 млн единиц оружия⁴, выданного по лицензии, и, по оценке, — около 4 млн единиц огнестрельного оружия находилось на руках у населения нелегально⁵. Процветает «индустрия страха» (сигнализация в домах, пуленепробиваемые окна и автомобильная сигнализация).

⁴ Mail&Guardian. 23.09.2005. Правительство в последние годы резко ограничило выдачу лицензий на оружие и ужесточило наказания за его нелегальное приобретение. Чем же себя защищать в таком случае законопослушным гражданам — идти покупать оружие на черном рынке, чтобы защититься от вооруженных преступников и получить до 15 лет тюрьмы за нелегальное хранение и применение оружия? Как работать, к примеру, таксисту, водителю грузовика или маршрутного такси?

⁵ Владельцы оружия были уверены, что главная цель нового закона — разоружить большинство владельцев огнестрельного оружия (Mail&Guardian. 06.01.2005). Белые южноафриканцы в частных разговорах прямо обвиняли власти в том, что они делают это сознательно для облегчения будущих «экспроприаций» у белых. Этому же способствовало, по их мнению, и решение распустить к 2009 г. отряды преимущественно белых армейских резервистов (коммандос) численностью до 50 000 человек и охрану сельской местности перепоручить полиции и без того перегруженной работой (Business Day. 21.12.2005). А если учесть что в Мозамбике по некоторым оценкам было до 4,5 млн единиц огнестрельного оружия, а в Анголе — 4 млн, то соседние страны легко поделятся его «излишками» с ЮАР в случае обострения обстановки в стране. Поэтому мечи, боевые топоры, копыя (ассегаи) и арбалеты стали вытеснять огнестрельное оружие в качестве средств самозащиты. Особенно стали популярны арбалеты для защиты частной собственности от нападения преступников (MIGnews.com. 17.03.2005).

Молодежь (лица с 14 до 35 лет) в 1998 г. составляла 39% населения. Обстоятельства (огромная безработица и ограниченная доступность образования — чуть более 10% черных выпускников школ поступали в университеты) — заставляли многих искать себе занятие вне рамок закона [Sowetan. 13.05.1998]. Только по официальным данным, 85% южноафриканских школьников пользовались наркотиками, в первую очередь марихуаной, по производству которой ЮАР занимает первое место в мире [Citizen. 27.06.1997].

Однако следует отметить, что преступность, и прежде захлестывавшая черные пригороды, отчасти стала лишь более заметной, поскольку ранее полиция занималась патрулированием и предотвращением преступлений прежде всего в белых районах. С отменой расовой сегрегации большинство бывших «белых» районов стали также небезопасными для жизни.

Таким образом, рост населения являлся одной из причин сохранения значительного разрыва в доходах в зависимости от цвета кожи. Другой существенной причиной был, как уже отмечалось, крайне низкий образовательный уровень черного населения. В 1996 г. лишь 20% черных (по сравнению с 70% белых) имели законченное среднее, среднее специальное или высшее образование [Business Day. 04.12.1996].

Статистика эмиграции тревожила: ЮАР в конце 1990-х гг. покидало ежегодно около 30% выпускников инженерных факультетов, при этом здесь на один миллион жителей приходилось 35 инженеров, по сравнению с 220 в Австралии и 600 в Японии [Business Day. 30.05.1997].

Стоит отметить и тот факт, что от 80 до 90% будущих эмигрантов желали порвать всякие экономические связи с ЮАР (продать недвижимость и изъять капиталовложения)⁶. Кроме того, 57% хотели бы отказаться от южноафриканского гражданства [McDonald D.A., Crush J. Destinations Unknown. Perspectives on the Brain Drain in Southern Africa (Africa Institute of South Africa), 2002. P. 35–36].

Политику правительства страны, направленную на выдавливание белых профессионалов из ЮАР, не поддерживало в 1999 г. 83% белого населения⁷, но лишь 20% черных придерживались той же точки зрения, поскольку, как они полагали, эта политика приносит большие преимущества именно черному населению [McDonald D.A., Crush J. Destinations Unknown. Perspectives on the Brain Drain in Southern Africa (Africa Institute of South Africa), 2002. P. 40].

Такое поведение властей противоречило официально провозглашенным целям РЗП, в которой красной нитью проводилась мысль об усовершенствовании южноафриканской экономики с учетом интересов всех слоев общества.

По неофициальной статистике, приводимой в ноябре 2003 г., эмиграция из ЮАР возрастала ежегодно на 30–40% и до 800 тыс. южноафриканцев уже проживало в Англии и 80 тыс. только в одном австралийском городе Перте [Business Day. 05.11.2003].

⁶ Однако по официальным данным за декабрь 2005 г. 77% эмигрантов из ЮАР сохраняли те или иные вложения в ЮАР, в том числе 69% из них сохраняли банковские счета и 32% имели недвижимость в стране. При этом 81% из них якобы собирались в будущем вернуться в ЮАР. Но причинами невозвращения были: высокий уровень преступности — 44%; более низкий, чем в развитых странах уровень жизни, африканизация и усиление экономической власти черных — 19% и безработица — 15% (Business Day. 06. 12. 2005). Вместе с тем многие уехавшие хотели бы вернуться по очень простой причине — сравнительно невысокие зарплаты в ЮАР позволяют не только хорошо жить, но и нанимать прислугу, чего мало кто может себе позволить в других странах. К тому же белые как были, так и остаются во многом экономическими хозяевами страны.

⁷ Это выразилось в «добровольно-принудительном» выходе на раннюю пенсию, ограничениях в приеме на работу (как в государственном секторе, так и в частных компаниях) и на учебу, а также в отсутствии карьерного роста, что побуждало к эмиграции. В итоге на место грамотных специалистов в подавляющем большинстве своем приходят недоучки.

Проще говоря, проходило «выдавливание» белых профессионалов отовсюду и их замена преимущественно на черных, что было практически неизбежно с учетом давления «низов». Соответственно эмиграция возрастала. Но оставался открытым вопрос: к чему приведет со временем замена грамотных специалистов на некомпетентных? «Сейчас правительство спохватилось: нехватка квалифицированных кадров стала очевидной и на производственном уровне. Под личным руководством вице-президента Пумзиле Мламбо-Нгуки началась кампания по возвращению уехавших, облегчен процесс выдачи виз приезжающим на работу высококвалифицированным иностранцам. Но массового движения назад пока не видно» [Шубин. Г.В., 2006. С. 207–208].

Правительство предавало в частные руки некоторые крупные государственные корпорации (углехимическую САСОЛ, сталелитейную ИСКОР и др.), чтобы получить дополнительные средства в бюджет страны. Но черное население крайне негативно относилось к приватизации предприятий, поскольку это увеличивало безработицу. Так, в результате приватизации ряда компаний до 200 тыс. человек потеряли работу [Шубин Г.В., 2006. С. 207-208].

В конце 1990-х гг., да и сегодня, белые, составляющие 12% всего населения страны, по-прежнему контролируют экономику. Это не помешало президенту Мбеки в 1999 г. заявить, что к 2014 г. черные жители ЮАР будут владеть большей частью акций⁸ в рамках кампании «Экономическая власть черным» (Black Economic Empowerment). Понятно, что это намерение не вдохновило белых, контролировавших по-прежнему свыше 70% всей земли и доминировавших в промышленности, туризме и банковской сфере (контролировали 95% добычи алмазов и т.п.). Но и здесь в последние годы происходят определенные сдвиги: так, в начале 2001 г. черные владели 5,8% газовой промышленности, а через год — уже 14% [New York Times, 13. 11. 2002].

Вхождение значительного числа черных южноафриканцев в предпринимательские круги можно считать одним из важнейших социальных последствий произошедшего в середине 1990-х гг. демонтажа политической системы апартеида. Если в середине 1980-х гг. численность африканской буржуазии ЮАР, включая мелких предпринимателей, оценивалась в 60–70 тыс. человек [Скубко Ю.С., 1985. С. 166], то к середине текущего десятилетия она достигла 1 млн человек, что составляет четверть общего числа предпринимателей [Демкина Л.А., 2006. С. 141]. Таким образом, «разделительная черта между бедными и богатыми перестала с завидной точностью совпадать с расово-этническим делением общества, как это было в недалеком прошлом» [Демкина Л.А., 2006. С. 141]. Доходы черной элиты в ЮАР увеличились только в 1996–2001 гг. вдвое, достигнув 13,5 млрд рандов [Ежедневный бюллетень ИТАР–ТАСС. 23. 03. 2001]. К группе населения с самыми высокими доходами в начале текущего десятилетия принадлежало 65% белых, 45% индийцев, 17% цветных и 10% семей африканцев [Sunday Times, 27. 04. 2003].

«Они, эти дети революции 1994 года, одеваются убийственно дорого и безвкусно, покупают самые роскошные автомобили и сорят деньгами так,

⁸ Процесс передачи акций черным жителям страны позднее был сильно скорректирован по времени в сторону увеличения срока — 26% всех акций за десять лет, до 2014 г. Но все это предполагалось сделать по рыночной стоимости за счет специального фонда, создаваемого горнодобывающими компаниями, откуда черные предприниматели и будут брать деньги на покупку акций. Другими словами, акции «белых» компаний новая черная элита будет приобретать за специально выделенные данными компаниями деньги. Это обогатит лишь достаточно узкий круг «новых черных», но не улучшит финансового положения нуждающегося черного большинства. Что же касается цифры 26%, то она появилась отнюдь не случайно — этот процент дает возможность заблокировать любые важные решения горнодобывающих компаний изнутри.

как будто завтра не наступит» [www.thewe.cc 19.01.2007]. Не правда ли, очень похоже на российских нуворишей, причем скорее в уходящем варианте времен бандитского передела 1990-х гг.? Во всяком случае, в ЮАР в 2005 г. было продано, главным образом черным покупателям, свыше 565 тыс. автомобилей, годовой прирост составил 26% [www.thewe.cc 19.01.2007]. Наряду с наиболее дорогими иномарками, значительная доля продаж приходится на производимые в ЮАР автомобили марки БМВ, печально известные в России 1990-х как «боевая машина вымогателей».

По данным за 2003 г., из 1 млн ежегодно заканчивавших средние учебные заведения продолжали обучение не более 185 тыс. (включая дальнейшую учебу в техникумах). Из оставшихся 80%, т.е. 800 тыс., приходивших на рынок труда, только 29% черных южноафриканцев могли рассчитывать найти работу по сравнению с 50% цветных, 70% индийцев или 75% белых [Ibid. 26.04.2004].

В 2002 г. 70% безработных в стране были моложе 35 лет⁹. Иными словами, из 16 млн молодежи работу имели лишь 4,8 млн человек, а 6,4 млн являлись безработными или перебивались случайными заработками. При этом даже из имевших формальную занятость 50% получали за свой труд менее 500 рандов в месяц, а в целом 70% работающих получали менее 1 тыс. рандов в месяц. И лишь 2–4% имели заработки свыше 3 тыс. 500 рандов в месяц [Business Day. 04.03.2003].

Однако АНК считал, что положение обездоленного большинства населения страны по многим показателям улучшалось, и ссылался на данные переписи населения от 2001 г., официально озвученные лишь в конце 2003 г. Так, с 1996 по 2001 г. число лиц, не получивших никакого образования, уменьшилось с 19 до 18%, а число лиц, закончивших школы, увеличилось с 16,3 до 20,4%. Также с 6 до 8% возросло число лиц с высшим образованием. Но что тревожило, в 2001 г. имели высшее образование 30% белых, около 15% индийцев, 5% цветных и чуть более 5% черных. За пять лет, с 1996 по 2001 г., число семей, живших в мало-мальски обустроенных поселениях, увеличилось с 57,5 до 63,8%, а число живших в неформальных поселениях, т.е. трущобах, возросло лишь на 0,4% (точные цифры не назывались). До 85% южноафриканцев имели доступ к питьевой воде (включая колонки и колодцы), но 6,5% использовали речную или родниковую воду. При этом за тот же период число семей, использовавших электричество для освещения, увеличилось с 58 до почти 70% в 2001 г. Но для обогрева жилищ и приготовления пищи стали использовать электричество 49% (было 44,5%). 20% семейств использовали дрова для приготовления пищи¹⁰ и 25% для обогрева жилищ. И почти 23% населения для освещения жилого помещения использовали свечи.

Одновременно увеличилось, с 29 до 42%, число семей, имевших телефоны или сотовые телефоны (около 50% в 2006 г.). 73% семей имели дома радио, почти 54% — телевизор, более 51% — холодильник и 8,6% — компьютер, однако последний имели только 2% африканских семей по сравнению с 46% белых семей. К 2006 г. почти 10% населения страны стали пользователями интернета [www.thewe.cc 19.01.2007].

О некоторых успехах, достигнутых в области здравоохранения и других областях, говорилось в интервью Ронни Касрилса, министра водных ресурсов и лесного хозяйства в конце 2001 г.:

⁹ Даже по сильно заниженным официальным данным, в конце 2005 г. 52% всей южноафриканской молодежи в возрасте от 16 до 25 лет не имели работы (Mail&Guardian. 18.11.2005).

¹⁰ По другим данным на 2001 г. 12 млн жителей ЮАР, преимущественно в сельских районах, готовили пищу и обогревали свои жилища с помощью дров (South Africa Yearbook. 2000/2001. P. 107).

«Мы ввели бесплатное медицинское обслуживание для беременных женщин и детей до 6 лет. У нас теперь все дети охвачены начальным образованием, и ученики первых классов получают бесплатные завтраки. Раньше размер пенсии у черных южноафриканцев был 200 рандов (один ранд менее четырех рублей) — в два раза меньше, чем у белых. Сейчас все пенсионеры Южной Африки получают по 500 рандов. Мы ввели детские пособия, строим дороги, больницы в сельской местности. Можно бесконечно долго рассказывать о наших делах. Но главное, что мы сделали — мы вернули людям чувство собственного достоинства и уверенность в будущем»¹¹.

Правительство страны немало сделало для облегчения положения нуждающихся граждан, для чего, к примеру, с 1994 по 2003 г. увеличило ассигнования на здравоохранение, образование, социальные пособия, водоснабжение, электроснабжение и строительство жилья с 52,9% бюджета до 58,3%. Другого выхода не было, ведь в 2003 г. 5 млн южноафриканцев (включая 70 тыс. «белых бедняков») жили на один американский доллар в день, и было необходимо выдавать пособия нуждающимся (около 40% взрослого населения были безработными) в размере хотя бы 100 рандов (15 американских долларов) в месяц на человека, поскольку социальная и расовая напряженность в стране нарастала [Mail&Guardian. 25. 06. 2004].

В целом, можно констатировать, что средства для выполнения, пусть с некоторым опозданием, всех своих обязательств по улучшению социальной инфраструктуры у южноафриканского государства (в отличие от подавляющего большинства других стран континента) имеются.

Экономический подъем последних лет, а также подготовка и проведение в 2010 г. в ЮАР чемпионата мира по футболу позволяют предположить, что благоприятная рыночная конъюнктура и ресурсы для гашения возможных очагов социального возгорания в ближайшие годы сохранятся (известно, что, например, последний чемпионат мира в Германии позволил сократить безработицу в этой стране на четверть миллиона человек). Долгосрочные перспективы менее очевидны.

Можно предположить несколько путей развития событий в ЮАР или их комбинации. Упомянем некоторые из них в порядке убывания вероятности:

1. Неизбежное замещение преимущественно черными (и частично цветными) кадрами «теплых» мест в государственном аппарате и государственном секторе экономики, формирование черного среднего класса («среднего» по сравнению с морем черной безработной и полубезработной бедноты, недовольство которой гасится различными социальными подачками). Соответствующая замена персонала в частных компаниях — в тех случаях, когда замена ключевого персонала не приведет к банкротству. И новая черная бюрократия, и средний класс будут всеми силами удерживать своих соплеменников от революций и потрясений, а экономическая власть в стране, во все большем объеме, станет переходить к черному большинству. Это наиболее реальный на сегодняшний день вариант дальнейшего развития событий.

2. Постепенное сосредоточение абсолютного большинства белого, цветного и индийского населения на побережье Атлантики и Индийского океана и вынужденная уступка черному большинству остальных районов страны. Быстрое перераспределение в пользу нуждающихся безземельных африканцев нетоварных и низкотоварных сельскохозяйственных угодий.

¹¹ Интервью Ронни Касрилса, министра водных ресурсов и лесного хозяйства, члена Центрального Комитета Компартии Южной Африки. SA Embassy Newsletter. Ежемесячный бюллетень посольства ЮАР в Москве. № 6. Ноябрь/декабрь 2001.

Умеренный экономический рост в 3–5% в год. Поэтапное уменьшение безработицы и одновременное сокращение черного населения (в первую очередь из-за эпидемии СПИДа и других опасных инфекционных болезней) и приспособление промышленности и сельского хозяйства к этим новым условиям. Процветание туризма и ряда отраслей экономики, в том числе горнодобывающей, за счет высоких мировых цен на сырье.

3. Почти повсеместная эмиграция наиболее квалифицированных и опытных кадров всех расово-этнических групп, резкое уменьшение промышленного производства, африканизация всего и вся. Превращение страны в крайне неустойчивое государственное образование с сильными внутренними трениями между различными этническими группами черного населения (в первую очередь зулусами и коса) при одновременном создании возле портов Салданья, Кейптаун, Мосселбей, Дурбан и Порт-Элизабет небольших независимых (если не де юре, то де факто) анклавов с преимущественно цветным, индийским, белым и черным населением.

В таком случае город Порт-Элизабет станет вотчиной (а возможно и официальной столицей) независимого государства коса, а ныне индийский по населению город Дурбан — вотчиной зулу (если последние смогут вытеснить оттуда или подчинить индийцев). Кейптаун и порты Салданья и Мосселбей, вероятно, станут «цветными» и отчасти — «белыми».

4. Насильственный или добровольно-принудительный передел земельной, движимой и недвижимой собственности и раздача ее нуждающимся безземельным, безработным и бездомным. Принудительная национализация промышленности (при подобном раскладе произойдет в дальнейшем постепенный переход наиболее лакомых кусков захваченной движимой и недвижимой собственности и объектов промышленности в руки новой черной элиты). Эмиграция практически всех квалифицированных кадров как белого, так и небелого населения. Распад или полураспад (при переходе товарного землевладения в руки мелких собственников) сельского хозяйства, сокращение производства и прекращение или резкое уменьшение экспорта сельскохозяйственных продуктов. Голод и развал промышленности, бегство капитала. Вооруженные столкновения между различными этническими группами черного населения после «окончательного изгнания поработителей». Непрерывающаяся гражданская война, развал страны на независимые Косаленд, Квазулуленд, Сотоленд, Калелленд (государство цветных) и вооруженные столкновения с пограничными странами. Полная разруха по сценарию Сомали, Либерии или Демократической Республики Конго с непредсказуемыми последствиями не только для сопредельных государств, но и для развитых стран, по-прежнему в немалой степени зависимых от южноафриканского стратегического сырья. Данный вариант развития событий в силу сравнительно благополучного финансово-экономического положения страны и заинтересованности внешних сил в сохранении доступа к ее ресурсам пока что наименее вероятен.

Во всяком случае ЮАР как уникальный сплав развитого и развивающегося миров, остается своего рода полигоном, на котором обкатываются сценарии дальнейшего явно не бескризисного развития региона и, в какой-то мере, человечества, особенно в части взаимодействия между богатым и дряхлеющим «Севером» и догоняющим и алчущим более справедливого мирового порядка «Югом» планеты. Не последнюю роль в успехах и неудачах того или иного варианта развития страны сыграет социальная политика южноафриканского государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Budget speech 2006 by Minister of finance Trevor Manuel. Pretoria. 2006.
2. Report on South Africa Mortality conditions. Pretoria. 2006.
3. South Africa's National Research and Development Strategy. The Government of the Republic of South Africa. — Pretoria, 2002.
4. Shared Interest — Investing in South Africa's Future. — NY. 2007.
5. *Bond P.* Elite Transition. From Apartheid to Neoliberalism in South Africa. — L. 2000. P. 160.
6. *Heribert Adam, Frederik Van Zyl Slabbert, Koniga Moodley.* Comrades in Business. Post-Liberation Politics in South Africa. Tafelberg. RSA. P. 90.
7. *McDonald D.A., Crush J.* Destinations Unknown. Perspectives on the Brain Drain in Southern Africa (Africa Institute of South Africa). — Pretoria. 2002. P. 35–36, 40.
8. *Moyiga Nduru.* Development South Africa: The Reality of Poverty is Everywhere. Johannesburg. 2007.
9. Africa Recovery. 2001. Vol. 14. January. P. 10.
10. Business Day. 25.05.1996.
11. Business Day. 04.12.1996.
12. Business Day. 30.05.1997.
13. Business Day. 04.03.2003.
14. Business Day. 05.11.2003.
15. Business Day. 06.12.2005.
16. Business Day. 21.12.2005.
17. Citizen. 13.05.1993.
18. Citizen. 27.01.1997.
19. Citizen. 27.06.1997.
20. Citizen. 30.01.1997.
21. Embassy Newsletter. Ежемесячный бюллетень посольства ЮАР в Москве. № 6. Ноябрь/декабрь 2001.
22. Growth, Employment and Redistribution. A Macroeconomic Strategy. 14 June 1996. P. 5–6, 9–10.
23. Mail&Guardian. 25.06.2004.
24. Mail&Guardian. 06.01.2005.
25. Mail&Guardian. 23.09.2005.
26. Mail&Guardian. 18.11.2005.
27. Mercury. 11.09.1998.
28. MIGnews.com. 17.03.2005.
29. New York Times. 13.11.2002.
30. South Africa Foundation Review. May-June. 1994. C. 2.
31. South Africa Yearbook. 2000/2001. P. 107.
32. South Africa: Wealth, Poverty and Reconstruction. Bergen. Norway. 1996. P. 10–11, 26–27, 133–134.
33. Sowetan. 13.05.1998.
34. Star. 06.12.1996.
35. Star. 30.06.1998.
36. Sunday Times. 30.06.2000.
37. Sunday Times. 27.04.2003.
38. *Демкина Л.А.* Некоторые аспекты социально-политического развития южноафриканского общества после 1994 г. — М. 2006. С. 140–141.
39. *Скубко Ю.С.* Новые явления в экономике ЮАР. — М. 1985. С. 166.
40. *Черкасова И.В.* Южная Африка: стратегия развития после ликвидации апартеида // Африка: новые тенденции в экономической политике. Сборник статей. Институт Африки РАН. — М.: Восточная литература. 2000. С. 186–200.
41. *Шубин. Г.В.* Проблемы развития демократической Южной Африки (1994–2006 гг.). — М. 2006. С. 207–208.
42. Ежедневный бюллетень ИТАР–ТАСС. 23. 03. 2001.
43. www.scidev.net/News/02/02/2007.
44. www.thewe.cc 19.01.2007; 26.04.2004.